

²¹ Там же.

²² Там же.-3 сентября.

²³ Там же.-14 ноября.

²⁴ Там же.-5 сентября.

²⁵ Там же.-1860.- 3 января.

²⁶ Черниговские губернские ведомости.-1859.-16 февраля.

²⁷ Черниговский листок.-1861.-18 февраля.

С.В.МИЛЕВИЧ

“ВЬЕЗЖИЕ” ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ В РОССИИ

Прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, следует уточнить, что под “выезжими” родами имеются ввиду те, которые ведут свое начало от иностранного предка. то есть считают своим родоначальником человека, некогда выехавшего в русские земли, здесь обосновавшегося и давшего новые ответвления. Известный русский генеолог Савелов Л.М. по приложениям к Бархатной книге подсчитал, что в нее вошли: 33 рода, основатели которых выехали из Росси; 96 родов невыезжавших и не связанных с иностранными предками; 804 рода - “выезжие” (наибольший процент примесей татарских, литовских, польских)¹. Карнович Е.П. все российское дворянство производит из иноземцев, хотя и подчеркивает их обрусение². Мы не будем заниматься определением процента иностранной крови в российском дворянстве. Еще Ключевский В.О. заметил, “что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя...”³. Отметим только, что иностранцы на Руси традиционно почитались и оставили свой след в российской политической истории, особенно в переломные моменты. Даже при поверхностном, ретроспективном взгляде на проблему, можно выделить несколько этапов активного притока иноземцев с последующим их включением в политическую жизнь и государственные структуры страны.

Начальные страницы политической истории Древнерусского государства, как и легенды о происхождении великокняжеской (в последствии царской) династии, связаны с варягом Рюриком. Можно сколь угодно спорить о призвании варягов на Русь и их роли в политической истории Древнерусского государства, но

неоспоримым является тот факт, что представители правящей до конца XVI века династии считали себя Рюриковичами, то есть выводили свой род от иноземца, что и получило свое официальное подтверждение в Государевом Родословце. В этот период характерен приток иноземцев норманского происхождения из военной среды; в церковной и культурной сферах - из Византии. Нельзя не учитывать и влияние "Великой степи" (хазары, печенег, половцы).

Второй период иноземного нашествия, причем, в прямом смысле этого слова, связан с татаро-монголами. Хронологически это XIII-XIV вв. Иностранцы этого времени, как правило, выходцы из Орды, потомки ордынских мурз, потерявшие власть. Они переходили на службу Литве, Москве, реже - другим владетельным князьям.

Следующий этап охватывает XV-XVII вв. Это время существования Российского централизованного государства, когда противоречиво, но тесно развивались отношения России с Великим Литовским княжеством и Польшей, а на восточных рубежах - с ордынскими ханствами. На протяжении XVI в. к России были присоединены земли, ранее принадлежавшие Литве или Орде, что повлекло за собой усиление пестроты этнического состава российского государства, особенно после ликвидации Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Именно в это время появились роды, которые условно можно назвать "дважды выезжими": из Орды в Литву, затем в Россию (реже Орда-Россия-Литва). В этом плане показателен род князей Глинских - литовских выходцев татарского происхождения, игравших первейшую роль при малолетнем Иване I.

До XVII в. выезжали индивидуально или родом (или с дружиной, войском). В социальном плане среди иноземцев достаточно четко прослеживается два слоя: незнатные, небогатые люди, чаще военные, авантюристы, а также представители княжеских династий, главным образом Литвы и Орды (потомки, утратившие власть, представители боковых ветвей правящих родов). Оба слоя выезжали в поисках лучшей доли, но в княжеской среде встречались и князья-эмигранты, вынужденные бежать по политическим причинам.

Со второй половины XVII в. в Россию усиливается приток иностранцев европейского происхождения, которые играли значительную роль в развитии российской науки и искусства. К

этого времени понятие рода постепенно изживает себя, начинается новый период российской истории, связанный с формированием структур абсолютной монархии, позднее - династическими проблемами, появлением иностранцев у российского престола. Этот период имеет свою специфику и требует самостоятельного изучения. Мы же ограничимся, главным образом, временем Российского централизованного государства, когда шло формирование служилого слоя, социально-политической иерархии правящего класса.

Анализируя историко-фактический материал, касающийся интересующей нас проблемы, можно выделить некоторые общие черты. Появление иноземцев не носило характера массовой эмиграции, колонизационного процесса или насильственного вторжения (за исключением войн). Распространенным явлением были быстрая ассимиляция с местным населением, разрыв связей с этнической родиной, включение в социально-политическую структуру, значительная роль в политической и культурной жизни, но не от лица иностранного государства, а как подданных России. Обрусение шло динамично, но не репрессивными методами, то есть не было создано специального военно-полицейского или какого другого аппарата для контроля за этим процессом, не существовало специальных законов, регламентирующих его. "Естественность" обуславливалась личной заинтересованностью, а именно, включением представителей "выезжих" родов в формирующуюся социально-политическую и придворную структуру Московского государства. Для Московского Двора, ставшего центром объединительного процесса, главную роль играли не этнические корни, а время перехода на московскую службу и личная преданность. Это определило специфику состава старомосковского дворянства, о родоначальниках которых Ключевский В.О. писал, что они "сошлись в Москву чуть не изо всех углов Русской земли, даже из таких, где в те века еще очень мало пахло Русью"⁵. В середине-конце XV века при дворе московского государя среди лиц, занимавших ведущие позиции, были Патрикеевы-Гедиминовичи из Литвы, Сабуровы-Годуновы, Давыдовы-Бутурлины из Орды, Ховрины-Головины из Крыма, Колычевы-Кошкины из Пруссии⁶. Именно из этих родов в значительной степени формировался состав окольничьих (второй чин московского государства), а первый чин - бояр - в преимуществе своем закрепился за потомками удельных князей из Рюриковичей.

В среде старомосковского дворянства, составляющего ядро государственного аппарата и отразившего состав всего класса землевладельцев, можно выделить несколько этногенеалогических групп (слоев). Первая представлена князьями Рюрикава дома. Это потомки бывших великих и удельных князей: Стародубские, Рязановские, Шуйские, Оболенские, Звенигородские и другие, перешедшие на службу Москве еще в XIV в.⁷ Эта категория княжат вряд ли может быть отнесена к “выезжим”, даже если признать варяжское происхождение Рюрика и его потомков, поскольку они прошли тот же путь становления и развития, что и Древнерусское государство.

Второй слой представлен выходцами из рода Гедиминовичей (“выезжие” из Литвы), от которых уже на московской службе пошли князья: Хованские, Патрикеевы, Булгаговы (от них Куракины и Голицыны), Щенятевы, Колышковы и другие.⁸ Гедиминовичи относительно рано (по сравнению с потомками великих и удельных князей) перешли на московскую службу, не имели крупных земельных владений в Северо-Восточной Руси, были прочно связаны с московским великокняжеским двором и государевой службой. К середине XVI века они срослись с местной боярской аристократией, занимая верхнюю ступень внутрисословной иерархии (Бельские, Патрикеевы, Мстиславские). К концу XIX века примерно из 250 учтенных княжеских родов 40 были Рюриковичи и Гедиминовичи.⁹

К третьему слою, в соответствии с внутрисословной иерархией можно отнести роды русского происхождения, как правило, нетитулованные, но близкие к московскому двору, прошедшие с ним период становления. Они не относились к “выезжим” родам и мы не будем останавливаться на их характеристике.

К нетитулованной московской знати относятся и представители двух следующих слоев. Это “выезжие” из Европы и Орды. Европейский контингент представлен главным образом выходцами из Польши и Пруссии. Остановимся более подробно на выезжих “из прусс”, поскольку именно оттуда ведет свое генеалогическое начало род Романовых, давший России в начале XVII века царствующую династию. Легенда о “выезде из прусс” в начале XIII века Гланда Камбилы Дивоновича и Михаила Прушанина, от которых ведут свое происхождение роды Кобылиных, Кошкиных, Колычевых, Захарьиных, Романовых, Неплюевых, Шереметьевых получила подтверждение в современных работах. Интересное геральдико-генеалогическое

исследование в этом направлении провел Кулаков В.И., проанализировавший родовые гербы и их истоки родов Романовых и Прушанских и установивший их геральдические связи с Пруссией, косвенно подтвердив “выезд” из прусс в XIII веке Гланда Камбилы и Михаила Прушанина, а также их происхождение из среды знатных дружинников¹⁰.

Аналогичное исследование, но на более позднем материале было проведено В. Егоровым, который проанализировал гербы цесаревича Алексея Николаевича (сына Николая II) и его зарубежных родственников (всего 63 персоны)¹¹. Составив интересную генеалогическую схему на базе гербов (геральдическую родословную), он выдвинул теорию о том, что применительно ко всем европейским династиям, включая российскую, по сути неправомерна постановка вопроса о национальности в обыденном понимании смысла этого слова¹², как неправомерно и обвинение в том, что страной правят иноземцы, учитывая специфику равнородного брака, когда выбор партнеров объективно сводился к тому, чтобы сочетаться браком внутри своей семьи или с иноземцем.

Последнюю группу “выезжих” представляют роды татарского происхождения, в числе которых Сабуровы, Годуновы, Вельяминовы, ведущие свой род от мурзы Четь, крестившемся при Иване I; Бибиковы - от татарина Жидимира, выехавшего из Синей Орды к великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому; Болтины - от мурзы Кутлубага, выехавшего из Большой Орды в XV веке¹³; Нарбековы, Державины, Парецкие, считавшие, своим генеалогическим предком мурзу Багрима¹⁴. Обособленно стоят потомки ордынских ханов, преходящие на московскую службу и после принятия христианства получающие титул князя, но не игравшие какой-либо значительной роли в политической жизни Российского государства. Карнович Е.П. насчитал в конце XIX века до 100 таких фамилий (татарского и мордовского происхождения¹⁵).

Рассматривая историю выезжих родов, мы сталкиваемся с понятием генеалогической легенды. Выделяется две группы выезжих родов: 1. С достоверным генеалогическим прошлым. Их родоначальники датируются не ранее XII-XIII вв. и от него прослеживается непрерывная ветвь к потомкам. 2. С легендарным прошлым, характеризующимся неподтвержденными генеалогическими связями с родоначальником, его неясным социальным статусом. Хронологический разрыв от упоминаемого в легенде

основателя до первого представителя этого рода, происхождение которого подтверждено документально может составлять несколько сот лет. Например, род Багратидов ведет свой отсчет от рода персидских сатрапов Оронтидов (IV в. до н.э.), а достоверное родословие доходит до VIII в. н.э.¹⁶ Хрестоматийный пример - ничем не доказуемое провозглашение Рюрика потомком в 14 колена от Пруса, брата римского императора Августа или Гланда Кабилы - от прусского короля Вейдевута (начало IV века н.э.) Вопрос о генеалогических легендах в российской политической истории имел политическое звучание. Такие легенды ставили "выезжих" из незнатного рода, но близких к Московскому Двору и возвысившихся вместе с ними в период политической централизации, вровень с местной великокняжеской и удельной знатью, позволяли обходить условности местничества, то есть местничать с бывшей родовой знатью, например, если род велся от татарского мурзы. Легенды о происхождении вносились в родословцы, становились официальными и могли служить доказательством в тяжбах о генеалогических корнях рода, даже несмотря на хронологические несовпадения с другими источниками. Например, согласно официально утвержденной родословной легенде, родоначальником Новосильцовых - бояр первых московских князей, внесенных в Государев родословец, является Шель, приехавший в 1375 году из Свейского королевства (Швеция) в Польшу, а затем в Москву к Дмитрию Донскому и крестившийся под именем Юрий. В Государевом родословце легенды нет, а родоначальником назван Шалай, в источниках XVI века упоминается выезд "из немец". Не сходятся и даты: сын Юрия Шалая (Шеля) Яков Юрьевич Новосилец упоминается в русских летописях в 1374 году как окольный и наместник только что построенного г. Серпухова¹⁷. Белеутовы выводили себя от князя Редеди, названного ордынцем, а по летописям это имя принадлежало касожскому князю XI века, потомок которого звался Андрей Одинец, а сын его прозван Белеутом. Не случайно "всплеск" легенд о происхождении рода и их официальное оформление приходится на середину - вторую половину XVI века - время завершения формирования Боярской Думы, Земского Собора, местничества.

Политические цели имели "заказные" генеалогические легенды. Например, возвышение рода Глинских, к которому принадлежала мать Ивана IV, позволило включить его в Государев родословец наряду с Рюриковичами. Из более поздней истории

широко известны специально созданные и официально признанные генеалогические легенды о родах Потемкиных¹⁸, Скавронских¹⁹.

Распространенным приемом, к тому же практически не проверяемым документально, становится практика выведения рода от древнего однофамильного, но пресекшегося. Так, князья Воронцовы, возвысившиеся в XVIII в., считали себя происходящими от легендарного Симона Африкановича, выехавшего из немцев в XI веке. Общий гербовник поддержал эту легенду, несмотря на хронологический разрыв от легендарного предка до точно установленного не менее пяти столетий, поскольку это соответствовало политическим интересам царствующих особ и их ближайшего окружения. Однако, известный генеолог Долгоруков П. считал, что тот род пресекся в 1587 году, а возвысившиеся в XVIII веке Воронцовы происходят от стрелецкого сотника Гаврилы Никитича Воронцова, убитого в 1678 г.²⁰ Достоверно доказать ни одну из версий невозможно.

Интересен вопрос о фамильных прозваниях иностранных родов в России. Однозначно определить невозможно, однако, прослеживается ряд характерных черт. Так, выясняется, что время “выезда” влияло не только на социально-политический статус и место в придворной иерархии, но и на закрепившуюся за родом фамилию. Имело значение до или после оформления фамилии был совершен переход, то есть, “выехал” уже с фамилией или получил ее, находясь на русской службе в соответствии с местными традициями. Если “выезд” состоялся до XVI века, когда в России еще не завершился процесс оформления фамилий и род разрастался уже на московской службе, то за одним “выезжим” родом в разных поколениях закреплялось несколько фамилий, обычно никак не связанных с этническим происхождением родоначальника. В этом плане показателен пример образования фамилии Романовых, предок которых выехал в XIII веке, а его потомки еще в XVI веке не имели постоянной фамилии. Гланд Камбила, получивший после крещения имя Иван, имел сына, который звался Андреем Ивановичем Кобылой. Его пять сыновей стали родоначальниками семнадцати русских дворянских родов. В первом колене Андрей Иванович и его сын прозывались Кобылиными, Федор Андреевич и его сын Иван - Кошкиными, сын последнего Захарий - Кошкиным - Захарьиным, его потомки просто Захарьиными. С VI колена Юрия Захарьевича Захарьиных стали величать Захарины - Юрьевы. Дети Петра Яковлевича и его брата Василия в шестом, седьмом и восьмом

коленах прозывались Яковлевыми, с Романа Юрьевича - Захарьевыми - Романовыми и, наконец, - Романовыми / начиная с деда первого русского царя из этого рода/. Аналогичные процессы наблюдались и в других родах. Среди потомков Индриса в XVI в. были Толстые-Милославские, Голенищевы-Кутузовы-Толстые, Васильчиковы, Даниловы, Молчановы, Тухачевские²¹. Потомки немца Дола носили родовые прозвания Свечиных, Яхонтовых, Левашовых; литовца Лаховича - Лихачевых и Краевских²².

В случаях, когда иностранец уже имел фамилию, применялись различные способы ее русификации. Одним из таких приемов была запись иностранной фамилии в русской транскрипции, иногда с незначительными изменениями /в первую очередь в окончании/. Так, итальянцы Чичери и Кассини, приехавшие с невестой Ивана III Софьей Палеолог в Москву, превратились соответственно в Чичерина и Кашкина /Кашкевича/, итальянцы Баско и Брюло - в Баскова и Брюлова. По-своему уникально превращение английской фамилии Гамильтон в русскую Хомутов /Гамильтон-Гамантов-Гаматов- Хомутов/, немцев Мейсенских в князей Мышецких /Мейсенские-Мисницкие-Мышницкие-Мышецкие/²³.

Часто иностранные фамилии записывались с включением добавочных приставок, принятых в ряде европейских стран /Макшотландские фамилии, Фон - немецкие, Де - французские, Фиць - ирландские/. Так, Кос-фон-Дален стал Козодавлевым, фон Берланд - Фонберладовым, фон Визен - Фонвизиным, фон Мегден - Фомединым, де Гур - Дегуровым, де Рихмонд - Деримонтовым /затем Дермидонтовым/. По тому же принципу в фамилии "выезжих" из Азии включались титулы - хан, бек, мурза: Муханов /Му-хан/, Бибиков /Би-бек/, Карамзин /Кара-мурза/.

Интересна практика перевода иностранных фамилий на русский язык, иногда - наоборот. Это явление чаще всего встречается в среде деятелей культуры. Так, известная в свое время актриса Лесогорова в переводе на немецкий стала Вальдберг, певица Цветкова на итальянский манер зазвучала как Фиоротти.

Специального исследования требует вопрос о гербах и титулах представителей выезжих родов. Для России этот вопрос становится особенно актуальным в послепетровский период, когда уже исчезает понятие рода. В порядке замечания можно отметить, что гербы строились в соответствии с российской традицией, но сохраняли черты, позволяющие проследить их этнические корни. В случаях, когда не было присвоено российское дворянство,

сохранялся статус титулованного иностранного рода, оставался без изменения и герб.

В отношении титулов иноземцев прослеживаются две линии. Родовые титулы, отражавшие владетельные права их носителя, в России обычно становились княжескими /европейские маркграфы, ордынские ханы, мурзы и т.д. /. Вообще же титулы иноземцев должны были подтверждаться российским императором, особенно после введения Петром Великим в России жалованных титулов европейского образца (князь, граф, барон). Носители непринятых в России титулов (баронет, маркиз, виконт) обычно утверждались в нетитулованном российском дворянстве или считались носителями иностранных титулов, неподтвержденных грамотами. Известны случаи, когда почетным гражданам разрешалось пользоваться баронским титулом без присвоения российского дворянства (бароны Менд, Гинцбург)²⁴.

В заключении можно отметить, что к последней четверти XVIII века иностранное происхождение на официальном уровне считалось “естественным”, что отразилось в составлении общей формы для родословных книг (после 1785 года), которая предписывала указывать о родоначальнике “выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то”, а IV часть родословных книг называлась “иностранные дворяне, признанные российским императором во дворянстве”. Вместе с тем, можно отметить, что русские дворяне в XIX веке в соответствии с действующим законодательством (указы 1846, 1856, 1876, 1891 годов) не могли принимать фамилий, гербов и титулов, передаваемых им от иностранных подданных.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте. Второе полугодие.- М.,1908.- С.13.

² Карнович Е.П. Слияние иноземцев с русскими.// Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России.-СПб..1886./Переизд.: М.,1991.- С. 231-250.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения.-М.,1983.- С.114.

⁴ Основателем рода Глинских считается “казак Мамай”, то есть один из потомков Мамаю, где-то на Волыни перешедший на сторону Литвы, принявший православие и сделавший карьеру. В 1508 году Михаил Глинский перешел на службу к Москве.